

ПЯГХА

КРАСНАЯ ГОРКА

ТРАДИЦИИ · ОБРЯДЫ · РЕЦЕПТЫ

Вероника Анриевна Нэй Пасха. Красная горка. Традиции, обряды, рецепты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661470

Пасха. Красная горка. Традиции, обряды, рецепты / [сост. В. А. Нэй].: РИПОЛ классик; Москва;

2012

ISBN 978-5-386-03989-9

Аннотация

Эта книга посвящена традициям, обычаям, поверьям и приметам, связанным с Пасхой, любимейшим народным праздником, по праву считающимся торжеством из торжеств, когда «душа русская как бы растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви», и с Красной горкой, древнерусским народным весенним праздником, праздником молодежи, первого весеннего гулянья девушек, празднику, к которому, как правило, приурочивались свадьбы. При подготовке издания были использованы работы (в том числе малодоступные) ряда крупных отечественных исследователей, таких, как И. Снегирев, С. Максимов, И. Сахаров, А. Коринфский и других.

Содержание

Пасха Христова	4
Некоторые русские пасхальные обряды и обычаи	17
Волочebные песни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Составитель Вероника Анриевна Нэй

Пасха. Красная горка

Традиции, обряды, рецепты

Пасха Христова (Светлое Христово Воскресение)

Новозаветная Пасха – Светлое Христово Воскресение – как главное событие в духовной жизни христианина получила название Праздник праздников, царь дней или Велик день. Пасха является также самым первым христианским праздником.

История Пасхи своими корнями уходит в глубокую древность. Примерно пять тысяч лет назад иудейские племена отмечали ее весной как праздник отела скота, затем Пасху связывали с началом жатвы, позднее – с уходом евреев из Египта. Христиане же вложили в этот день иной смысл и отмечают его в связи с воскресением Иисуса Христа.

На первом Вселенском соборе христианских церквей в Никее в 325 г. было решено перенести православный праздник на неделю позже еврейского. Постановлением этого же Собора праздник Пасхи должен отмечаться в первое воскресенье, следующее за первым полнолунием после весеннего равноденствия. Таким образом, праздник «кочует» во времени и выпадает каждый год на разные дни в период с 22 марта по 25 апреля по старому стилю (с 4 марта по 8 мая по новому стилю). На Пасху отмечается воскресение Иисуса Христа, который Своєю смертью искупил людские грехи и Своим воскресением дал надежду на жизнь после смерти.

Придя на Русь из Византии, христианство принесло и ритуал празднования Пасхи. Всю неделю, предшествующую этому дню, принято называть Великой, или Страстной. Особо выделяют последние дни Страстной недели: Великий четверг – как день духовного очищения, принятия таинства, Страстная пятница – как еще одно напоминание о страданиях Иисуса Христа, Великая суббота – день печали, и, наконец, Светлое Воскресение Христово.

У православных славян существовало множество обычаев, ритуалов, приуроченных к дням Великой недели. Так, Великий четверг традиционно называют «чистым», причем не только потому, что в этот день каждый православный человек стремится очиститься духовно, причаститься, принять таинство, установленное Иисусом Христом. В Чистый четверг был широко распространен народный обычай очищения водой – купание в проруби, реке, озере или обливание в бане до восхода солнца.

В этот день убирали в избе, всё мыли и чистили. На Севере и в средней полосе России было принято собирать и сжигать ветви можжевельника для окуривания жилища и хлева. Считалось, что целебный можжевельниковый дым защищал человека и «животинку» от нечисти и болезней. Бытовало также поверье, что снесенные в Великий четверг яйца, съеденные на Пасху, предохраняли от недуга, а скорлупа яиц, зарытая в землю на пастбище, надежно защищала домашний скот от глаза и всякой напасти. Еще один обычай – освящать соль и в ночь под Чистый четверг ставить на стол с хлебом.

Последнюю неделю перед Пасхой называют Страстной. На Страстной неделе вспоминают события последней недели земной жизни Иисуса Христа с того момента, как Он вошел в Иерусалим, и до того дня, когда Он был распят на Кресте и воскрес на третий день. Гораздо более строгими в Страстную неделю становятся ограничения в еде, а в Великую пятницу – день распятия Христа – верующие не едят вообще, вплоть до выноса Плащаницы, которая символизирует момент искупительной жертвы Иисуса Христа.

На Руси весь народ торжественно готовился к Святому дню. К нему было приурочено много добрых обычаев и поверий. Например, считалось, что добрые дела, совершаемые в пользу других, особенно обделенных судьбой, помогали снять с души грех. Так, в России было принято собирать деньги для выкупа должников из тюрьмы. Перед праздником все дома тщательно убрались, шились новые наряды.

За Страстной неделей приходит на русский простор Святая неделя, в старину она звалась также Светлой, Славной, Великой, Радостной, Красной и Великоденской и слыла за один Велик день. «Пресветлое Воскресение праведного солнца – Христа» объединилось в народном воображении с весенним возрождением природы, как бы принимающей участие в радостном праздновании величайшего из евангельских событий, знаменующего светлую победу над тьмой смерти. С этим связан был старинный обычай зажигать перед церквями и по холмам костры во время Светлой заутрени, в Белоруссии шли к ней даже с зажженными лучинами. Почти повсеместно в деревнях на Святую ночь жгли по площадям смоляные бочки; угли от них потом собирали и относили домой и сберегали вместе со свечами, с которыми стояли заутреню. Некоторые клали эти угли под застрехи крыш, в уверенности, что этим предохраняют свой двор от грозы. В деревнях, по старому обычаю, после пения «Христос воскрес!» стреляли холостыми зарядами из ружей, торжествуя этим победу над нечистой силой и тьмой. Зачерпнутой в роднике в пасхальную ночь воде народное поверие приписывает особенную силу. Суеверные люди окропляли ею свои дома и амбары, видя в этом залог счастья и довольства. В Святую ночь в селах красные девушки спешили за водой к ручьям и рекам. Молча старались они наполнить ведра и так же молча донести их домой. Если при этом будет произнесено хоть одно слово, вода эта, по словам старых людей, теряет свою силу.

Существовало старинное поверье о том, что если в Светлую заутреню стать в уголке церкви, держать при этом в левой руке серебряную монету и на первое приветствие священника «Христос воскрес!» вместо «Воистину воскрес!» ответить словами: «Антмоз маго», то от этих слов монета получит чудодейственную силу, которая может возратить ее хозяину даже из воды, из огня. Брошенная в чужие руки, монета эта не только возвратится к хозяину, но и приведет с собой все другие, между которыми находилась. Этот «антмоз» соответствовал неразменному червонцу, который знаменует собой неиссякаемое богатство солнечного света, каждое утро возрождающееся на востоке; он напоминал собою и молнию, которая в весеннюю пору воскресает и цветет во мраке ночеподобных туч.

Старинное предание гласит, что красное солнышко, всплывая из-за гор над обновленной Воскресением Христовым землею, радостно играет-пляшет своими лучами. Эта молва о «солнечных заигрышах» распространена во всех уголках славянского мира, некогда жившего одной духовной жизнью с русским народом. В великорусских губерниях раным-рано на первый день Светлого праздника выходил деревенский люд на пригорки, ребята малые влезали на крыши – любоваться игрой солнца. Взойдет, заиграет оно на безоблачном небе – быть, по примете старых людей, красному лету, богатому урожаю и счастливым свадьбам. Деревенская детвора при первом появлении светила принималась прыгать, припевая: «Солнышко-ведрышко, выгляни в окошечко! Солнышко, покажись, красное, снарядись! Едут господа-бояре к тебе в гости во двор, на пиры пировать, во столы столовать!» Старухи в это время умывались с золота, серебра и красного яйца, думая от того и помолодеть, и разбогатеть; старики же расчесывали волосы, приговаривая: «Сколько в голове волосков, столько и внучат!»

Были и такие, что в первый день Светлой седмицы старались поужинать и лечь спать до заката, думая, что если не сделать этого, то упадет куриная слепота.

С первого же дня Светлого Христова Воскресения отверзаются, по верованию народа, врата райские и остаются отворенными до последнего дня. Счастлив тот, кто умрет на Пасху,

тому прямая дорога в селение праведных. Потому-то престарелые благочестивые люди, которым не жалко расстаться с земной жизнью, и молили Бога, чтобы привелось им покинуть этот бранный мир в дни Святой недели, а еще лучше – в Светлую заутреню. Того, кто умирал на Светлое Христово Воскресение, по старинному обычаю, хоронили с красным яйцом в правой руке. «Умер на Пасху – и яичко в руку!» – напоминает об этом народная поговорка.

В Древней Руси существовало предание о том, что когда восстал из мертвых Спаситель мира, солнце не заходило целых восемь суток: первые два дня оно стояло на востоке – там, где ему полагается быть при восходе, следующие три дня – на полудне, остальные два – на вечере, на восьмой зашло. Это предание повторялось на Руси всеми в XVI–XVII столетиях, вызывая возражения церковных проповедников. Народная же Русь, от мала до велика верившая в то, что отверзаются на Святой неделе райские двери, прибавляла к этому, что прекращаются, утихают на эти дни и адские муки. Это основано было на сказании «Хождение апостола Павла по мукам». По другому распространенному в народе сказанию – «Хождение Богородицы по мукам» – покой грешникам дается на том свете с Великого (Страстного) четверга до самой Троицы.

С первого дня Светлой недели, по старинному преданию, Иисус Христос в сопровождении Своих апостолов ходит по земле вплоть до Вознесения. Одеты небесные странники в нищенское рубище, а потому, гласит народный сказ, и невдомек никому, кто они. Ходят они, испытывают людское милосердие, награждают великими и богатыми милостями добрых и карают злых людей.

В понедельник Святой недели в некоторых местностях ходили на кладбища – христосоваться со своими покойничками, по большей же части этот обычай соблюдался после Пасхи, на Радоницу. Со вторником связано было в народе имя «купалища». В старину существовал обычай обливать в этот день холодной водой тех, кто проспал заутреню. Летопись рассказывает об этом обычае как о пережитке древнего язычества, связывая его с обоготворением матери сырой земли.

Со Светлой среды начинались по некоторым местам весенние хороводы, продолжавшиеся до Троицына дня – каждый вечер. Разными бывали хороводы, и назывались они великоденскими, радоницкими, николевскими, троицкими, всесвятскими, петровскими, пятницкими, ивановскими, успенскими, семенинскими, капустинскими и покровскими. Светлый праздник начинал, открывал хороводное веселье, Покровом оно заканчивалось.

В Светлую пятницу, именовавшуюся «прошеньем», «прошеным днем», в обычае было звать тестю с тещей зятя и его родных «на молодое пиво», которое звалось также и «моленным». В Костромской губернии, например, его варили в складчину, делили между соседями и пили, приговаривая: «Пиво – не диво, и мед не хвала, а всему голова, что любовь дорога!»

Пасхальная суббота слыла в народе «хороводницей», в этот день был самый разгар молодого веселья в посельской Руси. В Черниговской губернии к этому дню приурочивался обычай изгнания или «провождения» русалок, по другим уголкам народной Руси справлявшийся на Всесвятской, следующей за Духовым днем, неделе.

В воскресенье со Светлой седмицы на Фомину – проводы Пасхи. В этот день, по старинному обычаю, придерживавшиеся дедовых заветов люди собирали все оставшиеся от праздничной снеди кости и, благословясь, несли их на поле, где и зарывали. Это должно было охранить посеvy от градобития. По другому же суеверию, предсказывалось беречь эти кости в хате и бросать их в топившуюся печку во время летних гроз.

Но не только дань своему суеверию отдавала в светлые пасхальные дни народная Русь: крепка была она и своей простодушной верой в Христа, свято чтит в ней все обряды христианского благочестия. Освятит деревенский люд в Божьем храме в Светлую заутреню свои пасхальные яства, похристосуетя со священником, со своими близкими и всеми, кто бы ему

ни встретился, разговееется красным яичком и всем, чем Бог пошлет. Но до тех пор не начнут в деревне праздничного пиროвания, веселья, покуда не обойдет церковный причт с крестом и святой водой и не пропоет перед каждой божницей радостных пасхальных песнопений. А потом во всю Пасхальную неделю ходили, разнося благостную весть о Воскресении Христовом, в каждом приходе от деревни к деревне, богоносцы с крестами, хоругвями и образами. Всю Светлую седмицу лился по всей Руси радостный пасхальный звон: не замолкала с утра до ночи ни одна колокольня – каждая словно старалась перезвонить другую. Находилось множество охотников «потрудиться для Бога», а уж от детворы отбою не было – всякому хотелось хоть один раз да потрезвонить в эти светлые дни. С утра до позднего вечера разносилось по русскому простору, пусть порой и нестройное, но из глубины души льющееся пение, одни богоносцы сменяли других. «Ходить под Богом» на Святой неделе считалось в народе за благочестивый подвиг. Приступали к нему только с благословения священника: не всем разрешалось это дело, а только тем, кто не повинен был ни в каких тяжких, вызывающих наложение особого покаяния, грехах. Богоносцы, поднимая иконы, одевались во все чистое и давали зарок не пить при этом вина, что особенно трудновыполнимо при известном хлебосольстве русского народа. Не выдержавший и поддавшийся на угощение не мог уже оставаться богоносцем, а должен был передать свою обязанность другому, на что не приходилось долго искать охотников. По преданию, переходившему из уст в уста по селам и деревням, проносившему целую неделю иконы и кресты это вменялось за седьмую часть дороги в Иерусалим: «Семь Светлых седмиц под Богом походить – в Ерусалим-град не ходить!» – говорили благочестивые люди.

Богоносцев ожидали в каждом доме с нетерпением. Еще накануне их прихода в деревне везде уже приготавливались ведра и кадки со всяким житом. В них гости ставили принесенную ими святыню, освящая этим будущий урожай. Освященное зерно сберегалось для посева и высевалось прежде всякого другого. За немалый грех считалось в народе каким-либо способом осквернить или просто даже рассыпать зря это зерно, но еще более тяжким грехом – не принять богоносцев. Благодать Божья, по народному верованию, навсегда удалялась из такого дома. Для крестьянской детворы приход богоносцев в деревню являлся целым событием. Еще загодя выбегали ребята за околицу и дожидались: как только показывались кресты и хоругви, один из детей, по выпавшему жребью, бежал оповещать деревню о приближении «Божьих гостей», а все остальные стремглав неслись навстречу идущим, чтобы присоединиться к ним и принять этим участие в богоугодном подвиге старших. Во многих местах богоносцев приглашали в поле, где они всем миром с пением обходили озимые всходы. Если в какой-нибудь деревне богоносцам приходилось заночевать, для той считалось это особенно счастливым предзнаменованием, охраняющим ее от пожара на более или менее продолжительное время. Поэтому-то везде и просили их об этом. Но не всегда богоносцы соглашались, потому что священником, отпускавшим с ними святыне иконы, давался строгий наказ лучше ночевать в поле, чем в такой деревне, где в это время шел пьяный праздничный разгул. Среди же богоносцев находилось всякий раз несколько известных во всей округе своей благочестивой жизнью людей, для которых слово духовного отца являлось непреложным законом.

Величайший из христианских праздников – Святая Пасха является, вместе с тем, и любимейшим русским народным праздником, когда душа русская как бы растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви, и когда люди всего больше чувствуют живую, сердечную связь с великим Искупителем мира. На церковном языке Святая Пасха называется торжеством из торжеств, и название это как нельзя больше соответствует общенародному воззрению на этот праздник. Еще загодя начинал православный люд готовиться к этому торжеству, чтобы встретить его достойным образом, с подобающим благолепием и пышностью. Но особенно деятельно хлопотала и приготавливалась русская деревня, где живет чув-

ствовалась связь со старинными обычаями. В продолжение всей Страстной седмицы крестьяне, что называется, не покладали рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки бедных людей и привести свои убогие жилища в чистенький и, по возможности, нарядный вид. Мужики с первых дней Страстной недели заготавливали хлеба и корм для скотины на всю Светлую седмицу, чтобы в Великий праздник не приходилось хлопотать и чтобы все было под рукой. А бабы и девушки хлопотали в избах: белили печи, мыли лавки, скоблили столы, вытирали мокрыми тряпками запыленные стены, обметали по углам паутину. Разгар бабьих работ выпадал на Чистый четверг, который признавался не просто днем Страстной недели, а каким-то особенным угодником Божиим, покровительствующим чистоте и опрятности. В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». На этом же основании и бабы считали своим долгом купать ребят, а иногда и мыть поросят, а также чистить избы. «Если в Чистый четверг вымоешь, – говорили они, – весь год чистота в избе водиться будет». Девушки мылись в Чистый четверг, твердо веруя, что если на утренней заре хорошенько вымыться, вытереть тело полотенцем и отдать затем это полотенце оброшнику (об оброшниках см. ниже), то от женихов отбою не будет и в самом скором времени непременно выйдешь замуж. Кроме всеобщего мытья, крестьяне старались приурочить к Чистому четвергу и убой скота и свиней, предназначенных для праздничного стола и для заготовления впрок.

Это делалось на том же основании, как и мытье избы: угодник Божий Чистый четверг сохраняет мясо от порчи, в особенности если к нему обратиться со следующей короткой молитвой: «Чистый четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время».

Покончив с убранством избы, бабы приступали обыкновенно к стряпне. В богатых домах жарили и варили живность, пекли куличи, украшая их мармеладом, монпансье и другими цветными конфетами. В бедных же семьях эта роскошь считалась не по карману, и здесь куличи, в виде обыкновенной, без всякой сдобы, булки, покупались у местных лавочников или калашников и барашников. Но так как калашники развозили по деревне свои куличи примерно за неделю или за три-четыре дня до праздников, то на пасхальном столе крестьянина-бедняка обыкновенно красовалась плоская и твердая, как дерево, булка, ценой не свыше пятиалтынного или двугривенного. Но бывали, впрочем, случаи, когда крестьяне не могли позволить себе и этой роскоши, не выходя из бюджета. Таким беднякам обыкновенно приходили на помощь более богатые родственники, которые, из чувства христианского милосердия, не допускали, чтобы Светлый праздник омрачался «голодными разговинами», да еще в родственной семье. Впрочем, и посторонние не отставали от родственников, и в Страстную пятницу совсем не редкость было видеть шныряющих по селу баб, разносящих по домам бедняков всякие припасы: одна принесет молока и яиц, другая творогу и кулич, а третья, гляди, притащит под фартуком и кусок убоины, хотя и накажет при этом не проговориться мужу (в деревнях убоиной распорядился мужик, и баба без спросу не смела подступаться к мясу).

Что касается мужиков среднего достатка, то они, хотя и не прибегали к помощи зажиточных соседей, но редко обходились без займов, а еще охотнее продавали что-нибудь из деревенских продуктов (дрова, сено, мятую пеньку и прочее), чтобы разжиться деньгами и купить четверть или полведра водки, пшеничной муки для лапши и пшена на кашу. Но вырученные деньги расходовались бережно, с таким расчетом, чтобы было на что «купить Богу» масла и свечей и заплатить священнику.

Все хозяйственные хлопоты заканчивались обыкновенно к вечеру Великой субботы, когда народ спешил в церковь слушать чтение «страстей». Читать «страсти» считалось за честь, так как чтец перед лицом всего народа мог засвидетельствовать свою грамотность. Но обычно чаще всего читал какой-нибудь благочестивый старик, которого окружали слушатели из мужиков и целая толпа вздыхающих баб. Долго длилось это монотонное, а иногда

и просто неумелое чтение, и так как смысл читаемого не всегда был доступен темному крестьянскому уму, то усталое внимание притуплялось и многие покидали чтеца, чтобы помолиться где-нибудь в углу или поставить свечку святой Плащанице (бабы уверяли, что Плащаница – это Матерь Божья) или же просто присесть где-нибудь в притворе и задремать. Последнее случалось достаточно часто, и лица духовного звания резко осуждали это неуважение к церковному богослужению, замечая, что спать в церкви, да еще в Великую ночь – значит то же, что не понимать всего происходящего в храме. Хотя вряд ли такое мнение можно признать справедливым, так как во всей нашей стране ни одно сословие не сохраняло такой теплой и по-детски наивной веры, как русское крестьянство. И если в церковных притворах и темных углах храма народ действительно спал, так что храп мешал иногда молящимся, то нужно принять во внимание, что эти спящие люди были истощены строгим деревенским постом, что многие из них приплелись из далеких сел по ужасной весенней дороге и что, наконец, все они донельзя утомлены предпраздничной суетой и хлопотами. Большинство же толпилось в темноте церковной ограды и деятельно хлопотало над наружным украшением храма. Во всю пасхальную ночь здесь были слышны говор и крики; народ расставлял смоляные бочки, готовил костры. Мальчишки суетливой толпой бегали по колокольне и расставляли фонари и плошки, а самые смелые мужики и парни, с опасностью для жизни, лезли даже на купол, чтобы осветить и его. Но вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. На площади перед церковью густая толпа народа глядит и любуется своим разукрашенным храмом, и слышатся громкие восторженные крики. Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густого колеблющегося звука торжественно и величаво покатила по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. А колокол тем временем гудит, гудит, и народ валом валит в церковь слушать утреню. Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть, а воздух от тысячи горящих свечей становится жарким и душным. Особенная давка и толкотня наблюдается у иконостаса и около церковных стен, где расставлены принесенные для освящения куличи, яйца и всякая пасхальная снедь. Когда отойдет утреня, ровно в двенадцать часов в ограде палят из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знаменем, и под звон колоколов раздается первое «Христос воскрес!» Начинается процесс христосования: в алтаре христосуется причт, в церкви – прихожане, затем причт начинает христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обменивается с ними яйцами. (Последнее обстоятельство особенно высоко ценилось крестьянами, так как они верили, что яйцо, полученное от священника, никогда не испортится и имеет чудодейственную силу.)

После окончания литургии все, с куличами на руках, выходили из церкви и строились в два ряда в ограде, в ожидании причта, который в это время в алтаре освящал пасхи более зажиточных и чтимых прихожан. Ждали терпеливо, с обнаженными головами; у всех на куличах горели свечи, у всех открыты скатерти, чтобы святая вода попала непосредственно на куличи. Но вот причт освятил уже куличи в алтаре и, во главе со священником, выходил наружу. Ряды колыхались, начиналась давка, крик, кое у кого вывалилась пасха из миски, кое-где слышалась сдержанная брань рассерженной бабы, у которой выбили из рук кулич. А причт между тем читал молитву и, обходя ряды, кропил святой водой пасхи, за что ему в чашу кидали гривны и пятаки.

Освятив куличи, каждый домохозяин считал своим долгом, не заходя домой, побывать на кладбище и похристосоваться с покойными родителями. Отвесив на родных могилках поклоны и поцеловав землю, он оставлял здесь кусок творогу и кулича для родителей и только потом спешил домой христосоваться и разговляться с домочадцами. Дети с родите-

лями христосовались трижды, и только с женами целоваться при всех считалось за большое неприличие. К разговению матери всегда будили маленьких детей: «Вставай, детеночек, подымайся, нам Боженька пасочки дал», – и заспанная, но все-таки довольная и радостная детвора садилась за стол, где отец уже разрезает пасху на куски, крошит освященные яйца, мясо или баранину и оделяет всех. «Слава Тебе, Господи, пришлось разговеться нам», – в умилении шепчет крестьянская семья, крестясь и целуя освященную пищу.

С первого же дня Пасхи, на протяжении всей Светлой седмицы, в деревнях обязательно служили так называемые пасхальные молебны, причем духовенство расхаживало по крестьянским избам непременно в сопровождении оброшников и оброшниц, которые иначе назывались богоносцами. Оброшники вербовались чаще всего из благочестивых стариков и старух, которые или дали обет всю пасхальную неделю «ходить под Богами», или же желали своим усердием вымолить у Бога какую-нибудь милость: чтобы перестала трясти лихорадка, чтобы сына не взяли в солдаты, чтобы муж не пьянствовал, не дрался во хмелю и не бил домочадцев. Все «оброшники», прежде чем приступить к своему делу, обязательно испрашивали благословения священника: «Благослови, батюшка, под Богов стать», – и, только когда священник разрешит, принимались за свои обязанности и «поднимали Богов»: один носил свечи для продажи, другой – кружку, в которую собирал деньги «на Божью Матерь», третий нес другую кружку, куда причт складывал весь свой доход, предварительно записав его на бумаге, четвертый, наконец, носил кадило и подкладывал ладан (этот последний оброшник считался крестьянами самым почетным: в редком доме ему не подносили стакана).

Все оброшники подпоясывались белыми полотенцами, а оброшницы, кроме того, повязывались и белыми платками, в память святых жен-мироносиц, которые, по мнению крестьян, были также покрыты белым. Когда все богоносцы выстраивались у церкви, появлялся в облачении священник, и вся процессия, с пением «Христос воскрес!», под колокольный звон, шествовала в первый, ближайший от храма, двор. К этому времени в избе, перед образами, зажигались свечи, стол покрывался белой скатертью, причем на стол клали одну или две ковриги хлеба, а под угол скатерти насыпали горсть соли, которая, по окончании богослужения, считалась целебной и давалась от болезней скоту. Хозяин без шапки, с тщательно умщенной и прилизанной головой, выходил навстречу процессии, а какая-нибудь молодая, с пеленою в руках, «сутречала» на пороге избы Божью Матушку и, приняв икону, все время держала ее в руках, пока служился молебен. Во время молебна мужики очень строго следили и считали, сколько раз пропели «Иисусе, Сыне Божий», и, если меньше двенадцати раз, то хозяин при расчете выговаривал священнику: «Ты, папаша, только деньги с нашего брата брать любишь, а сполна не вычитываешь». Но зато к чтению кондаков крестьяне относились с большим равнодушием и, если священник не дочитывал до конца каждый кондак, то хозяева не обижались: «Ведь и язык прибрешешь – в каждом дворе одно и то же», – говорили они и расставались со своим священником самым миролюбивым образом, оделяя его деньгами и лепешками.

Кроме молебна в избе, многие крестьяне просили отслужить еще один молебен, уже на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным: Власия, Мамонта, Фрола и Лавра. Для этой цели на дворе ставили столы, накрывали их скатертями, а поверх клали «скотскую» пасху, предназначенную для домашних животных. После молебна эта пасха разрывалась на мелкие куски и скармливалась домашним животным и птице, а скатерть, на которой стояла пасха, псаломщик, по просьбе баб, подбрасывал вверх: чем выше он подбросит, тем выше уродится лен. По окончании же молебна наиболее благочестивые крестьяне приставали к священнику с просьбами благословить их «повеличать Божью Матушку», и если священник благословлял, пели следующую самодельную молитву, которая приводила их в умиление: «О Девица, твое Успение славим, прими наше хваление и

подаждь нам радование, о предстоящих со слезами, о Мати, молись с нами, будь похвальна и избрана Ты, Царица Небесная!»

По окончании этого песнопения иконы выносили со двора, причем матери клали в воротах детей для исцеления от болезней, а взрослые только нагибались, чтобы над ними пронесли образа. Но если в каком-нибудь дворе богатый хозяин заказывал молебен с водосвятием, то матери ни за что не упускали случая и непременно умывали детей святой водой, утирали полотенцем и «вешали его на Божью Матерь» (то есть жертвовали) или же утирали концом холста, который также жертвовали на церковь.

Хождение с иконами продолжалось по всем дворам, до самого вечера первого дня Пасхи. А на второй день, после литургии, которая кончалась очень рано, иконы несли на «поповку» (место, где расположены дома притча) и, после молебна в доме священника, крестьяне получали угощение от своего духовного отца. На «поповку» в таких случаях собиралось все село. Шум стоял на всю улицу, кто благодарил, а кто ругался, оставшись недовольным за малое или плохое угощение. Впрочем, недовольных бывало очень мало, так как священники не скупились на угощение, дорожа расположением прихожан и желая, в свою очередь, отблагодарить их за радушие и гостеприимство. С «поповки» иконы несли по ближайшим и дальним деревням, обходя решительно весь приход, причем каждая деревня заранее предупреждалась, когда к ней «боги придут», чтобы крестьяне успели изготавиться.

Чтобы закончить характеристику пасхальных молебнов, необходимо упомянуть, что иконы на ночь приносились на хранение или в училище, или в дом какого-нибудь зажиточного и уважаемого крестьянина, который обычно сам напрашивался на эту честь и просил священника: «Батюшка, отпусти ко мне Богородицу ночевать». Нередко случалось, что по ночам в помещении, где хранятся иконы, прихожане уже сами устраивали нечто вроде всенощного бдения: старухи со всей деревни, богомольные мужики и девушки, вымаливающие хороших женихов, собирались сюда и возжигали свечи, пели молитвы и коленопреклоненно молились Богу. В прежнее время сюда же приносились так называемые «кануннички» (маленькие кувшинчики с медом), которые ставились перед образами на стол для поминовения умерших. Кануннички ставились с большими свечами, и при этом рассуждали так, что все главные боги (образа) здесь налицо, и если им зажечь по свечке каждому, то они сразу начнут молиться за покойника и непременно вымолят для него у Господа прощение.

Пока духовенство не отслужило у крестьянина в доме молебна, ни он, ни его домоладцы ни под каким видом не смели предаваться никаким праздничным развлечениям – это считалось за большой грех. Но затем, когда «иконы прошли», в деревне начинался широкий пасхальный разгул. Взрослые «гостевали» друг у друга, выпивали, пели песни и с особенным удовольствием посещали колокольню, где и трезвонили с раннего утра до пяти часов вечера. Посещение колокольни вообще считалось излюбленным пасхальным развлечением, так что в течение всей Светлой седмицы на колокольне толпились парни, девушки, мужики, бабы и ребятишки: все хваталось за веревки и подымали такой трезвон, что батюшка то и дело посылал дьячков унять развеселившихся православных и прогнать их с колокольни. Другим пасхальным развлечением служило катание яиц и отчасти качели и игра в орлянку и карты. Катали яйца преимущественно ребятишки, да разве еще девушки, которые соскучились без хороводов и песен (на Пасху светские песни и хороводы считались неприличными). Зато на качелях катались решительно все. Где-нибудь в конце деревенской улицы парни устраивали так называемые «общественные» качели (в складчину), и возле этих качелей образовывалось нечто вроде деревенского клуба: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониями и «тальянками» толпились здесь с утра до ночи; одни только глядели да любовались на чужое веселье, другие веселились сами. Первенствующую роль играли здесь девушки, которые без усталости катались с парнями. Но так как толпа почти всегда приходила сюда изрядно подвыпивши, и так как качели раскачивались не самими

катающимися, а зрителями, то нередко были случаи, когда от пьяного усердия доска с катающейся парочкой перелетала через перекладину и происходили несчастья – увечья и даже смерть.

Наконец, из числа пасхальных развлечений деревенского народа нельзя не указать на обязательное приглашение в гости кумовьев и сватов. В этом отношении Пасха имеет много общего с Масленицей, когда точно так же хозяева считали долгом обмениваться визитами со сватами. Но на Пасху приглашали даже будущих сватов, то есть родственники обрученных жениха и невесты приглашали друг друга в гости, причем, как и на Масленицу, во время обеда жениха с невестой сажали рядом в красном углу, поили их обоих водкой и вообще делали центром общего внимания. Обычай требовал при этом, чтобы жених ухаживал за невестой, но так как ухаживание это носило, так сказать, ритуальный характер, то естественно, что в нем много было натянутости и чего-то деланного, почти фальшивого: жених называл невесту обязательно на «вы», по имени-отчеству или просто «нареченная моя невеста», сгребал руками сласти с тарелки и потчевал ими девицу, а после обеда катался с ней по селу, причем опять-таки обычай требовал, чтобы нареченные жених и невеста непременно катались, обнявшись за талию.

Как самый большой и наиболее чтимый христианский праздник, Пасха, естественно, группирует вокруг себя целый цикл народных примет, обычаев, суеверий и обрядов, не известных церкви, но пользовавшихся большой популярностью в деревенской среде. Общая характерная черта всех этих народных праздников – все то же двоеверие, которым пропитаны религиозные понятия русского простолюдина: крестная сила хотя и побеждает нечистую силу, но эта побежденная и поверженная в прах темная сила держала в своей власти робкие умы и наводила панический ужас на робкие души.

По мнению крестьян, в пасхальную ночь все черти бывают необычайно злы, поэтому с заходом солнца мужики и бабы боялись выходить на двор и на улицу: в каждой кошке, в каждой собаке и свинье они видели оборотня, черта, перекинувшегося в животное. Даже в свою приходскую церковь мужики избегали ходить в одиночку, точно так же как и выходить из нее. Злятся же черти в пасхальную ночь потому, что уж очень им в это время солоно приходится: как только ударит первый колокол к заутрене, бесы, как груши с дерева, сыплются с колокольни на землю, «а с такой высоты сверзиться, – объясняли крестьяне, – это тоже чего-нибудь да стоит». Сверх того, как только отойдет заутреня, чертей немедленно лишают свободы: скручивают их, связывают и даже приковывают то на чердаке, то к колокольне, то во дворе, в углу. Чертям это, разумеется, не нравится, тем более что заклятые враги их, православные люди, любят посмотреть, как мучаются привязанные черти, а посмотреть они имеют полную возможность, если только догадаются прийти на чердак или в темный угол двора с той самой свечой, с которой простояли пасхальную утреню. Можно, впрочем, обойтись и без свечи, но тогда не увидишь, а только услышишь мучения нечистой силы, так как в ночь на Светлое воскресенье чертей принудительно замуровывают в церковные стены, где они «шустрятся», то есть возятся и мечутся, не будучи в состоянии убежать из тягостного плена. Наконец, в распоряжении людей имелся и еще один способ поглумиться над нечистой силой: для этого стоило только выйти с пасхальным яйцом на перекресток дорог и покатить яйцо вдоль по дороге – тогда черти непременно должны будут выскочить и проплясать трепака.

В таком же затруднительном положении оказывались в пасхальную ночь и ведьмы, колдуны, оборотни и прочая нечисть. Опытные деревенские люди умели не только опознавать ведьм, но могли даже с точностью определить весь их наличный состав в деревне: для этого нужно было только с заговоренным творогом встать у церковных дверей и держаться за дверную скобу – ведьмы будут проходить и, по хвостам, их можно сосчитать всех до еди-

ной. Что касается колдунов, то опознавать их еще легче – достаточно во время пасхальной заутрени обернуться и поглядеть на народ: все колдуны будут стоять спиной к алтарю.

Другая группа пасхальных суеверий раскрывает перед нами понятия крестьянина о загробной жизни и о душе. Повсеместно существовало убеждение, что всякий, кто умрет в Светлую седмицу, беспрепятственно попадет в рай, какой бы грешник он ни был. Столь легкий доступ в Царствие Небесное объясняется тем, что в пасхальную неделю врата рая не закрываются вовсе и их никто не охраняет. Поэтому деревенские старики, и в особенности старухи, мечтали как о величайшем счастье, чтобы Господь даровал им смерть именно в пасхальную седмицу.

В крестьянской среде глубоко укоренилось верование, что в пасхальную ночь можно видеться и даже беседовать со своими умершими родственниками. Для этого следовало во время крестного хода, когда все уйдут из церкви, спрятаться в храме со страстною свечою так, чтобы никто не заметил. Тогда души умерших соберутся в церковь молиться и христосоваться между собой, и тут-то и открывается возможность повидать своих усопших родственников. Но разговаривать в это время с ними нельзя. Для разговоров есть другое место – кладбище.

Особняком от этих суеверий стоит целая группа пасхальных примет, которые можно называть хозяйственными. Так, наш народ твердо был убежден, что пасхальные яства, освященные церковною молитвой, имеют сверхъестественное значение и обладают силой помогать православным в трудные и важные минуты жизни. Поэтому все кости с пасхального стола тщательно сберегались: часть из них зарывали в землю на пашнях, с целью предохранить нивы от града, а часть хранили дома и, во время летних гроз, бросали в огонь, чтобы предотвратить удары грома. Точно так же повсеместно сохранялась головка освященного кулича, для того чтобы хозяин, выезжая в поле сеять, мог взять ее с собой и съесть на своей ниве, чем обеспечивался прекрасный урожай.

В некоторых местностях обычай брать в поле головку пасхи превратился даже в своеобразный ритуал. Когда приходило время ржаного сева, хозяин вставал на заре, умывался и молился Богу, а хозяйка накрывала скатертью стол, приносила головку пасхи, ковригу хлеба, ставила соль и, собрав всех домашних, зажигала свечку, после чего все присутствующие клали по три земных поклона и просили у Бога: «Зароди нам, Господи, хлебушка». Затем головка пасхи заворачивалась в чистую тряпочку и торжественно передавалась хозяину, который и уезжал с ней в поле. Урожай обеспечивался также и теми зернами, которые во время пасхального молебна стояли перед образами. Поэтому хороший хозяин, приглашая в свой дом батюшку «с богами», непременно ставил ведра с зернами и просил батюшку окропить их святой водой.

Наряду с крестьянами-домохозяевами, имели свои приметы и бабы-хозяйки. Так, во всю Светлую неделю каждая хозяйка должна была непременно прятать все освященное съестное таким образом, чтобы ни одна мышь не могла взобраться на пасхальный стол, потому что если мышь съест такой освященный кусочек, то у нее тотчас вырастут крылья и она делается летучей мышью. Во время пасхальной утрени хозяйки наблюдали: какая скотина в это время лежит смиренно – та ко двору, а которая возится и ворочается – та не ко двору. Во время пасхальной же заутрени крестьянки имели обыкновение «шугать» с насеста кур для того, чтобы куры не ленились, а пораньше вставали да побольше яиц несли. Но наибольший интерес представляет обычай изгнания из избы клопов и тараканов, точно так же приуроченный к первому дню Пасхи. Делалось это таким образом: когда хозяин приходил после обедни домой, он не должен был входить прямо в избу, а сперва постучаться. Хозяйка же, не отворяя дверей, спрашивала: «Кто там?» – «Я, хозяин твой, – отвечал муж, – зовут меня Иван. Ну что, жена, чем разговляться будем?» – «Мы-то разговляться будем мясом, сметаной, молоком, яйцами». – «А клопы-то чем?» – «А клопы клопами». Крестьяне были

уверены, что, подслушав этот диалог, клопы или испугаются и убегут из избы, или набросятся друг на друга и сами себя съедят. Существовал еще и другой, более упрощенный, способ изгнания клопов и всяких паразитов: когда хозяйева шли с обедни с пасхами, какая-нибудь старуха брала веник и кричала: «Пруссаки и тараканы, и всякая гадина, выходите вон из избы – Святая Пасха идет». Это восклицание должно было быть повторено три раза, причем старуха усиленно мела веником к порогу и трижды махала им за порог. Когда же Пасха приходила уже на порог, старуха швыряла веник за порог как можно дальше, тем самым намечая путь отступления для всякой избяной нечисти.

Что касается деревенских девушек, то и у них имелись свои пасхальные приметы. Так, в дни Пасхи не брали соли, чтобы руки не потели, умывались водой с красного яйца, чтобы быть румяной, при этом становились на топор, чтобы сделаться крепкой (говорили, это удивительно помогает, и девушка делалась такой крепкой, что, по пословице, «хоть об дорогу ее бей – а ей все нипочем»). Также девушки верили, что все обычные любовные приметы на Пасху сбываются как-то особенно верно: если, например, девица ушибет локоть, то уж непременно ее вспомнит милый; если в щи упадет таракан или муха – наверняка жди свидания; если губа зачешется – не миновать поцелуев; если бровь чесаться станет – будешь кланяться с милым.

Даже «лихие» люди – воры, бесчестные игроки в карты и прочие – и те имели своеобразные приметы, приуроченные к Пасхе. Так, воры прикладывали все усилия, чтобы во время пасхальной заутрени украсть какую-нибудь вещь у молящихся в церкви, и притом украсть так, чтобы никому и в голову не пришло их подозревать. Тогда смело вору целый год, и никто тебя не поймает. Игроки же, отправляясь в церковь, клали в сапог под пятку монету, с твердой надеждой, что эта мера принесет им крупный выигрыш. Но чтобы сделаться непобедимым игроком и обыгрывать наверняка всех и каждого, нужно было, отправляясь слушать пасхальную заутреню, захватить в церковь карты и сделать следующее святотатство: когда священник покажется из алтаря в светлых ризах и в первый раз скажет: «Христос воскрес!», пришедший с картами должен ответить: «Карты здесь». Когда же священник говорил во второй раз: «Христос воскрес!», безбожный картежник отвечал: «Хлюст здесь», и в третий раз – «Тузы здесь». Это, по убеждению игроков, может принести несметные выигрыши, но только до тех пор, пока святотатец не покается.

Наконец, и охотники точно так же имели свои пасхальные приметы, которые сводились к одному главному требованию: никогда не проливать крови в великие дни Светлой седмицы, когда вся тварь земная, вместе с людьми, радуется Христову Воскресению и, по-своему, славит Бога. Нарушители этого христианского правила подчас жестоко наказывались Богом, и бывали случаи, когда охотник, снарядившись на охоту, или нечаянно убивал себя, или не находил дороги домой и без вести пропадал в лесу, где его мучила нечистая сила.

Чтобы закончить характеристику пасхальных суеверий, обычаев и примет, необходимо еще остановиться на тех, которые связаны с пасхальным яйцом. Наши крестьяне повсеместно не знали истинного значения и символического смысла красного яйца, что оно знаменует собой мир, обагренный кровью Христа и через то возрождающийся для новой жизни. Объясняя происхождение этого христианского символа по-своему, крестьяне говорили, что яйцо ввели в употребление еще первые апостолы. «Когда Пилат распял Христа, – рассказывали они, – то апостолы очень испугались, что Пилат и до них доберется и, чтобы смягчить его сердце, покрасили яиц и принесли ему в подарок, как еврейскому начальнику. С тех пор и пошел обычай красить на Пасху яйца». В других местностях крестьяне, объясняя происхождение пасхального яйца, подходили ближе к истине. «Перед Пасхой, – говорили они, – Христос был мертв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мертвое, а, между прочим, из него может живой цыпленок выйти». Но на вопрос, почему же яйцо окрашивается в красный цвет, отвечали: «Так ведь и сама Пасха красная, в Священ-

ном Писании прямо ведь сказано: „Пасха красная, праздник из праздников“. Ну, кроме того, и звон пасхальный тоже зовется „красным“». Зато несравненно обстоятельнее и подробнее отвечали крестьяне на вопрос о тех приметах, которые связаны с пасхальным яйцом. Нельзя, например, есть яйцо и выбрасывать (а тем более выплевывать) скорлупу за окошко на улицу, потому что на протяжении всей Светлой седмицы сам Христос с апостолами, в нищенских рубищах, ходит по земле и, по неосторожности, в него можно попасть скорлупой (ходит же Христос с целью наблюдать, хорошо ли православные исполняют его завет – оделять нищую братию, и награждает тороватых и щедрых, а скупых и немилостивых наказывает). Еще крестьяне повсюду верили, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положив на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить «вольной» птице, которая в благодарность за это помянет умерших и будет просить за них Бога. При помощи пасхального яйца получают облегчение и живые от всех болезней и напастей. Если яйцо, полученное при христосовании от священника, сохранить на божнице в течение трех и даже двенадцати лет, то стоит только такое яйцо дать съесть тяжелобольному – всю хворь с него как рукой снимет. Помогает яйцо и при тушении пожаров: если человек, отличающийся праведной жизнью, возьмет такое яйцо и троекратно обежит горящее здание со словами: «Христос воскресе!», то пожар сразу утихнет, а затем и прекратится сам собой. Но если яйцо попало в руки человеку сомнительного образа жизни, то пожар никоим образом не прекратится, и тогда остается только одно средство: бросить яйцо в сторону, противоположную направлению ветра и свободную от строений, – тогда ветер утихнет, изменит направление и сила огня ослабеет настолько, что возможно будет с ним бороться. Но всего больше помогает пасхальное яйцо в земледельческих работах: стоит только, во время пасхального молебна, зарыть такое яйцо в зерна и затем выехать с этим же яйцом и зерном на посев, чтобы обеспечить себе прекрасный урожай. Наконец, яйцо помогает даже кладоискателям, потому что всякий клад, как известно, охраняется специально приставленной к нему нечистой силой, а завидев человека, приближающегося с пасхальным яйцом, черти непременно испугаются и кинутся врассыпную, оставив клад без всякой защиты и прикрытия, – тогда только бери лопату и спокойно отрывай себе котлы с золотом.

«Дорого яичко ко Христову дню!» – говорит народная пословица, относящаяся ко всякой услуге. Но к Пасхе оно и в самом деле дорого: без него не разговлялся даже ни один нищий, без красного яичка не похристосуешься, без него и праздник не в праздник выйдет! Первое яйцо, полученное в Христов день, по народному поверью, никогда не должно портиться, если оба похристосовавшиеся приветствовали друг друга пасхальным приветствием от чистого сердца. Поэтому многие хранили его на божнице в течение целого года – до новой Пасхи. Катали яйца только на Святой неделе. Хотя не только тогда можно было услышать в деревнях крылатое слово об этом прообразе Воскресения Христова. «Дал дураку яичко – что покатыл, то и разбил!» – говорили о неловком человеке, увальне. «Наш Фадей каравай хлеба с одним яйцом съест!» – говорили про накидывающихся на разговенье прожорливых едоков. «Дай ему яичко, да еще и облупленное!» – подсмеивались над не в меру любопытными. «Хоть черненька курица, да на белых яичках сидит!» – замечали краснословы о суровых на вид людях с добрым сердцем. «Он по яйцам пройдет – ни одного не раздавит!» – оговаривали они чересчур осторожных. «Не умел играть яйцом, играй желваком!» – кивали последние в сторону слишком беспечных. «Курочка бычка родила, поросеночек яичко снес!» – говорили при виде завигающегося краснобая.

Деревенское поверье советовало на Пасху каждое утро оглаживать лошадей яйцом, а, оглаживая, приговаривать: «Будь гладка как яичко!» Это должно приносить коню здоровье и спорость в работе. «Не огладишь лошадку крашеным яичком, и корм ей в пользу не пойдет!» – говорили старые приметливые люди. По примете, если рано заносятся куры да круп-

ные яйца несут, то и ранние овсы выйдут лучше поздних. Простонародное суеверие велело бабам-хозяйкам беречь первое яйцо от черной курицы: оно, по слову старины, спасало скот в поле от волка. Суеверные хозяева взвешивали первое снесенное во дворе яйцо, думая по весу его судить о будущем урожае. Первое яйцо, полученное при христосовании, берегли умудренные жизнью люди: если, по их словам, перекинуть его во время пожара через забор, то огонь погаснет. Народные загадки говорят о яйце в таких словах: «В одном калиннике – два тестечка!», «Сквозь стенки бычка испеку!», «В одной квашне два притвора!», «Бочечка без обручика, в ней пиво да вино не смешаются!», «Полна бочка вина – ни клепок, ни дна!», «Катится бочка – на ней ни сучочка!», «Царево вино, царицыно вино – в одной склянице не смешаются!», «Под ледком-ледком стоит чашечка с медком!» и т. д.

Похристосуется, разговееется, помолится и в храме Божьем, и у себя в хате деревенский люд, примет и причт церковный, и богоносцев с иконами, вдосталь наслушается красного пасхального звона – встретит праздничек Христов честь по чести, по-праздничному, по-веселому. Светло и радостно становилось у него на душе, светло и радостно и кругом – куда ни глянет. И как-то легче становилось ему дышать, и как-то звонче пелись песни-веснянки, и как-то вольнее слетали с языка красные крылатые речи.

К числу оригинальных пасхальных обычаев относилось так называемое «хождение волочебников». Это та же коляда, странным образом приуроченная к Пасхе, с той только разницей, что «волочебниками» бывали не парни, а преимущественно женщины. Со всего села собирались они толпой и ходили из дома в дом, останавливаясь перед окнами и тонкими голосами распевая следующую песню:

Не шум шумит, не гром гремит,
Христос воскрес Сын Божий.
Шум гремят волочебники —
К чьему двору, ко богатому,
Ко богатому – к Николаеву.
Хозяюшко, наш батюшко,
Раствори окошечко, посмотри немножечко,
Что у тебя в доме деется...

Смысл песни состоял в том, чтобы выпросить что-нибудь у хозяина дома: яиц, сала, денег, молока, белого хлеба. И хозяева, в большинстве случаев, спешили удовлетворить просьбы волочебников, так как по адресу скупого хозяина бойкие бабы сейчас же начинали высказывать не совсем лестные пожелания: «Кто не даст нам яйца – околеет овца, не даст сала кусок – околеет телок; нам не дали сала – коровушка пала». Суеверные хозяева очень боялись таких угрожающих песнопений, и потому бабы никогда не уходили из-под окон с пустыми руками. Все собранные продукты и деньги шли на специальное бабье пиршество, на которое не допускались представители мужского пола.

Некоторые русские пасхальные обряды и обычаи

К Пасхе готовились заранее. В частности, накапливали яйца, которые в четверг перед Пасхой (в Чистый четверг) красили в луковой шелухе. Окрашивали по сто – двести яиц за раз. В течение Пасхи их раздавали приходящим христосоваться детям, а также в первый день праздника разговлялись сами всей семьей. Часть яиц приберегали для членов семьи и делили между ними поровну.

Крестьяне повсюду верили, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо было только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положив на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить яйцо вольной птице. Верили, что при помощи пасхального яйца получают облегчение и живые от всех болезней и напастей. Если яйцо, полученное при христосовании от священника, сохранить на божнице в течение трех и даже двенадцати лет, то стоит только такое яйцо дать съесть тяжелым больным – и всю хворь с них как рукой снимет.

Помогает пасхальное яйцо и при тушении пожаров. Но всего больше помогает оно в земледельческих работах: стоит только во время пасхального молебна зарыть такое яйцо в зерна и затем выехать с этим же яйцом и зерном на посев, чтобы обеспечить себе прекрасный урожай.

С пасхальным яйцом в Ярославской губернии искали пропавшую или заблудившуюся в лесу корову, овцу. В некоторых местах им гладили скотину по хребту, чтобы она не болела и шерсть у нее была гладкой (обычно это проделывали перед первым выгоном).

На Пасхе катали яйца в лотке по желобку. Этой забаве предавались и взрослые, и дети. Каждый норовил при катании разбить яйцо своего противника, после чего оно переходило в собственность хозяина уцелевшего яйца.

В первый же день Пасхи по деревням попы ходили с молебном. Сначала молебен служили в отдельных избах. Перед приходом икон хозяева постилали на лавках переднего угла солому и ставили на нее севалки с рожью, овсом. По окончании молебствия священник сеял по избе горсть взятого из севалки овса, который потом подбирали куры. Освященные семена береглись до посева: ими начинали сев в первый день. После окончания молебна по избам в некоторых деревнях начинался молебен по овинам. В деревне Непеино, когда иконы приносили на гумно, хозяин прятался в подлаз овина и на троекратный возглас священника: «Христос воскрес!» – отвечал: «Воистину воскрес!» Спрятавшийся крестьянин изображал овинника (дух, якобы живущий в овине). После этого считалось, что овинник не будет хозяину вредить.

Качули (качели) устраивались на второй день Пасхи. Постановка их входила в обязанность главным образом тех парней, которые имели взрослых или подростков-сестер. Материал для качелей всегда был артельный: кто давал бревна, кто веревку, кто доску; другие помогали ставить козлы, слегу встаскивать, веревки вешать. В деревушке удовлетворялись одной качелью; в селах ставили две-три. Качание на качелях доступно было для всех окружающих того околотка, где стояли качели; в другом околотке надо было ожидать приглашения. На качелях катались решительно все. Где-нибудь в конце деревенской улицы парни устраивали так называемые общественные качели, и возле этих качелей образовывалось нечто вроде деревенского клуба: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками и тальянками толпились здесь с утра до ночи: одни только глядели да любовались на чужое веселье, другие веселились сами. Первенствующую роль занимали здесь, разумеется, девушки, которые без усталости катались с парнями. Качаясь, приговаривали:

Подкачнуся высоко,

Увижу далеко,
Где мой братка гуляет,
Червонное яйко катает.

В разных местностях парни, качая девушек, устанавливали свои обычаи, чтобы было посмешнее. Например, в Нижегородской области два парня становились по краям доски, в середину садилась девушка. Раскачав девушку, парни спрашивали, кто ее жених или любимый, угрожая, если она не признается, опрокинуть качели. При этом пели частушки:

На качуле я качалась,
Веревочка порвалась,
Я насилу тебя, залеточка,
На качулю дождалась...

Праздник Пасхи был началом «улошнова» (уличного, публичного) веселья деревенской молодежи, хороводов и тому подобных игрищ, происходивших на полянках.

Наконец, из числа пасхальных развлечений деревенского народа нельзя также не указать на обязательное приглашение в гости кумовьев и сватов. В этом отношении Пасха имела много общего с Масленицей, когда точно так же домохозяева считали долгом обмениваться визитами со сватами. Но на Пасху приглашали даже будущих сватов, то есть родня обрученных жениха и невесты приглашала друг друга в гости, причем, как и на Масленицу, во время обеда и всякой трапезы жениха с невестой сажали рядом в красном углу и вообще делали центром общего внимания. Обычай требовал при этом, чтобы жених ухаживал за невестой, но так как ухаживание это носило, так сказать, ритуальный характер, то естественно, что в нем было много натянутости и чего-то деланного, почти фальшивого: жених называл невесту обязательно на «вы», по имени-отчеству или просто «нареченная моя невеста», сгребал руками сласти с тарелки и потчевал ими девицу, а после обеда катался с нею по селу, причем опять-таки обычай требовал, чтобы нареченные жених и невеста непременно катались, обнявшись за талию: он ее, а она его.

К числу оригинальных пасхальных обычаев относится так называемое «хождение волочebников». Это та же коляда, странным образом приуроченная к Пасхе.

Волочebные песни

Хозяинушка, наш батюшка!
Христос воскрес, Сын Божий наш!
Открой окно, погляди в окно,
Погляди в окно, в чисто поле.
В чистом поле на твоей нивке,
На твоей нивке престол стоит,
На престолике много праздников.
Первый праздник – Христов день,
Второй праздник – Егорий-свет,
Третий праздник – Микола-свет,
Еще праздник – Илья святая!
– Христов день, а где ж ты был?
– В Божьей церкви с попам, с дьякам я стосался.
– Егорий-свет, а где ж ты был?
– В чистом поле коров я пас.
– Микола-свет, а где ты был?
– В чистом поле с севалинкой.
– Илья святая, где была?
– В чистом поле с серпом,
С золотым серпом я рожь жала,
Где пядь нажну, там сноп свяжу,
Где сноп свяжу, там стог складу.
Высок-далек – под небеса!
Хозяинушка, наш батюшка!
Дари гостей, не томи гостей!
Стоят гости незваные,
Незваные, незнамые.
Заводчушке – сорок яиц,
Подводчушкам – по десяточку,
Мехоносчушке – пару яиц да пирога конец!
Не хошь дарить – пойдем ты с нам
Грязь месить, собак дразнить.
Собак дразнить, людей смешить!

* * *

Идем, бредем лалынщички,
Христос воскрес, воистину!
К чьему двору, к хозяйскому.
Хозяинушка, наш батюшка,
Ты спишь-лежишь со своей женой,
Со своей женой – боярыней.
Кроватушка тесовая,

Перинушка пуховая.
Хозяинушка, наш батюшка,
Открой окно, гляди в извно!
В твоём извне церква стоит,
Церква стоит соборная,
Соборная, богомольная.
У той церкви престол стоит,
На том престоле книга лежит.
У той книги написаны,
Написаны три праздничка:
Первый праздник – Христов денек,
Второй праздник – Егорьев-свет,
Егорьев-свет коров пасет.
Третий праздник – Илья-пророк,
Илья-пророк – зажитничек.
Пошел Илья в чисты поля:
Что раз резнет – там сноп нажнет,
Где два резнет – там счету нет!
Хозяинушка, наш батюшка,
Дари гостей – лалынщичков!
Эти гости не частые —
В один годок один разок!
Один разок в Христов денек!

* * *

Далальшь, далалынь! По яиченьку!
Христос воскрес, Сыне Божий!
Ты дома, не дома, хозяинушко?
Он не кажется – величается,
Он сидит за столом, подпершись костылем.
Кто не даст конца пирога —
Мы корову за рога.
Кто не даст пару яец —
Мы прогоним всех овец,
Кто не даст солонины кусок —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.